

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета
на диссертацию Куликовой Марии Сергеевны на тему:
«Судебная методология Генриха Канторовича:
критический анализ поиска “свободного права”»,
представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация Марии Сергеевны – без преувеличения долгожданное событие в российской юридической науке. Монографическое исследование идей одного из основоположников движения за свободное право Германа Канторовича (1877–1940) предпринимается в российской юриспруденции впервые. Следует отметить чрезвычайно удачный выбор темы диссертационной работы и ее безусловную актуальность, убедительно обоснованную Марией Сергеевной во Введении – как с теоретической, так и с практической точки зрения. В теоретическом аспекте автор усматривает актуальность обращения к идеям Г. Канторовича в связи с предпринятой ученым попыткой «симбиоза естественно-правовой и позитивистской теорий на базе социологической юриспруденции» (с. 6), в практическом аспекте – в разработанной правоведом «новой судебной методологии, соблюдающей баланс между доктринальными разработками науки и актуальными потребностями социальной жизни» (с. 7).

Автор ставит перед собой цель – осуществить проблемную реконструкцию идей Германа Канторовича как основоположника движения свободного права, включая разработанную им судебную методологию (с. 8) – и успешно справляется с ее достижением. Достоверность научных положений, выводов, сформулированных в диссертации, подтверждается продуманной методологией исследования, его обширной источниковой базой, включающей не только опубликованные работы Г. Канторовича на английском и немецком языках, но и архивные материалы, в частности, переписку ученого с его другом Г. Радбрухом, доступную для исследования в архиве Фрайбургского университета. Теоретическую основу работы составляют значимые исследования по теме диссертации, и вообще автор хорошо осведомлена о степени разработанности темы своего исследования, что сообщает выводам автора достоверность, обоснованность и новизну. Кроме того, результаты исследования апробировались в докладах и сообщениях автора на международных и всероссийских научных конференциях, в научных публикациях автора – прежде всего, в статьях, опубликованных в периодических изданиях, рекомендованных ВАК, а также прошли экспертизу в рамках научного проекта № 19-011-00528 «Концепт справедливости в современной российской правовой системе» (2019–2021), поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (руководитель проекта – Д.И. Луковская).

Все положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, представляются в высокой степени научно обоснованными. Как сама тема диссертации, так и полученные Марией Сергеевной результаты исследования обладают бесспорной научной новизной. Новеллами в нашем знании об идеях Г. Канторовича являются положения диссертации, в которых раскрываются науковедческие представления

ученого, показывающие место юриспруденции в системе социально-гуманитарных наук и их методологию, понятие права, классификация видов права и в особенности анализ понятия «свободное право», наконец, сама судебная методология правоведа. Новым знанием является и представленное в диссертации последующее развитие идей Г. Канторовича как в теории и философии права XX века, так и в практической деятельности судов континентального и общего права.

Полученные результаты диссертационного исследования Марии Сергеевны обладают несомненной теоретической и практической значимостью. Теоретическое значение работы усматривается в том, что она восполняет существующий в российской юридической науке пробел в части изучения наследия Г. Канторовича и может служить надежной основой для последующих исследований движения за свободное право, включая и перспективу сравнительно-правовых исследований, например, с американским правовым реализмом. Эту перспективу отмечает и сама автор. Практическое значение диссертационного исследования связано с судебной методологией Г. Канторовича – возможности ее использования при разрешении «трудных дел» убедительно демонстрируются автором в последней главе работы. Стремление Марии Сергеевны показать возможности практического использования судебной методологии Г. Канторовича заслуживает безусловной поддержки.

Диссертационная работа обладает логичной, оптимальной для раскрытия темы структурой, которая коррелирует как с задачами исследования, так и с положениями, выносимыми на защиту.

В *первой* главе «Герман Канторович – основоположник школы свободного права и его программный Манифест “Борьба за науку права”» – автор с помощью портретно-индивидуализирующего метода дает характеристику жизненного и творческого пути правоведа, а также поясняет историю создания им «Манифеста», контекст и формальные особенности этого произведения. *Вторая* глава посвящена науковедческим и теоретико-правовым вопросам – определению места юриспруденции в системе наук, методологии определения понятий, в частности, понятия права в его отличиях от других социальных правил. В *третьей* главе раскрывается концепция судебной методологии Г. Канторовича, основанная на разграничении правоведам формального и свободного права с их дальнейшим подразделением на шесть видов. Наконец, в *четвертой* главе рассматривается последующее развитие идей школы свободного права, причем в двух аспектах – в контексте теоретических дискуссий в юриспруденции и с точки зрения восприятия судебной методологии Г. Канторовича судьями-практиками. Глава завершается параграфом, в котором автор показывает возможности применения методологии правоведа к разрешению смоделированной автором ситуации судебного спора.

Как уже отмечалось, Мария Сергеевна ставила перед собой цель реконструировать идеи Г. Канторовича, и эта цель успешно достигнута. Критические соображения будут ограничены исключительно областью, определяемой задачами реконструкции. Я ограничусь тремя такими соображениями, прежде всего касающимися, как кажется, недостаточно отрефлексированных Марией Сергеевной моментов.

1. Когда мы говорим о судебной методологии, то здесь за каждым понятием стоят большие традиции их обсуждения. Мария Сергеевна, реконструируя и интерпретируя концепцию Г. Канторовича, оперирует понятиями «судейский произвол», «судейское усмотрение», «судебное правотворчество». Вместе с тем для того чтобы говорить о судебском произволе, необходимо прояснить понятия судейского усмотрения и судебного правотворчества, однако складывается впечатление, что в диссертации они рассматриваются как в известном смысле самоочевидные. Из контекстов употребления этих терминов в работе как будто бы следует, что Мария Сергеевна (и Г. Канторович?) отождествляет судебное усмотрение и судебное правотворчество. Но если усмотрение неотделимо от судебной деятельности, то далеко не каждый случай усмотрения можно рассматривать как акт судебного правотворчества. Вопрос состоит в том, как Г. Канторович проводил различие между этими тремя понятиями и из какого различия между ними исходит сама Мария Сергеевна?

2. В предложенной Марией Сергеевной реконструкции неясным осталось используемое Г. Канторовичем понятие догмы. С одной стороны, автор утверждает, что правовед «подчеркивает свое нежелание особо выделить догмы из общего ряда приказов и предписаний» (с. 108), а с другой – что «в предлагаемой Канторовичем классификации [правил] предпочтение отдается догмам» (с. 111), и что они даже являются «решающим фактором [его] судебной методологии» (с. 85). Здесь заслуживал бы обсуждения и объяснения вопрос о том, почему правовед, критиковавший догматику, в качестве третьего вида правил (наряду с приказами и предписаниями) указывает именно догму и, по утверждению Марии Сергеевны, кладет ее в основу судебной методологии. Нет ли здесь противоречия с исходной критической позицией Г. Канторовича по отношению к догматике?

Неясность возникает с основаниями действительности догмы. Если догмы являются логическим следствием требований приказов и предписаний, а также иных более ранних догм (с. 106), то имеет ли догма самостоятельное основание действительности, как это утверждает Мария Сергеевна: «Канторович выделяет три основных вида социальных правил в зависимости от основания действительности: приказ, предписание и догма» (с. 111)? Каким образом понятие догмы как логического следствия требований приказов и предписаний связано с суждением о том, что, право – это самодостаточная и самообеспечивающая свою легитимность система, предположительно основывающаяся не столько на приказах и предписаниях, сколько на догмах (с. 108)? Все-таки на чем основывается эта система – на приказах, следствием которых являются догмы, или на догмах? Если это противоречия позиции Канторовича, а не противоречия в интерпретации его идей, то на это следовало бы обратить внимание, ведь тема работы – *критический анализ* поиска свободного права.

Не вполне ясна также и функция догмы. Мария Сергеевна пишет о том, что догма предназначена для разрешения противоречий между системами приказов и предписаний, для систематического упорядочивания правил (с. 85), – и это традиционно выделяемые функции догматики. Однако догмы также обладают «способностью соединять мир рядоположных эмпирических объектов и мир ценностей» и «поддерживают сеть взаимосвязанных различий». (с. 111). Что понимается под

рядоположными эмпирическими объектами, которые догма соединяет с ценностями, и что представляет собой такая сеть? И, наконец, почему догма – это и решения судей, и судебные доктрины? Означает ли это, с учетом сказанного ранее об основаниях действительности трех видов правил, что основу правовой системы составляют догмы, приобретшие действительность в судебных решениях? Это могло бы быть интересным и парадоксальным выводом работы, – может быть, методология Г. Канторовича не так уж и далеко отстоит от критикуемой им формально-догматической методологии?

3. В интерпретации Марии Сергеевны некоторые идеи Г. Канторовича кажутся противоречивыми. Например, это касается понятия о праве как своде правил. С одной стороны, автор утверждает, что Г. Канторович мыслит «свод правил, скорее, как пространственную “сетевую структуру”, организованную аналогично биологической нейронной сети» (с. 82). С другой стороны, реконструируя определение Г. Канторовичем понятия права, Мария Сергеевна приходит к выводу о том, что право – это правила, встроенные в определенную иерархию (с. 104). Опустим вопросы о том, как возможен свод правил как «пространственная структура» и насколько теоретически удачно его уподобление нейронной сети. Однако каким образом с первым утверждением согласуется второе, а также и вывод о том, что соответствующие представления Канторовича близки теории ступенчатой структуры правопорядка Г. Кельзена (с. 84)?

Приведенные соображения ни в коей мере не умаляют значения проделанного Марией Сергеевной большого труда по реконструкции правового учения Г. Канторовича в его истоках, последующем развитии и практическом применении, включая разработанную правоведом судебную методологию. Диссертация М.С. Куликовой представляет собой личный обладающий несомненной научной новизной вклад автора в исследование интеллектуальной истории школы свободного права и возможностей практического использования разработанной в ее рамках судебной методологии, восполняя существенный пробел в научном знании о данном направлении правовой мысли.

Диссертация Куликовой Марии Сергеевны на тему: «Судебная методология Генриха Канторовича: критический анализ поиска “свободного права”» полностью соответствует всем основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Куликова Мария Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

член диссертационного совета

доктор юридических наук, профессор СПбГУ

Тимошина Е.В.

15.08.2023